

Оригинальная статья

DOI: 10.17748/2219-6048-2024-16-3-18-35

УДК: 930.01

**ТЕОРИЯ ДОМИНАНТЫ В РЕШЕНИИ СОЦИАЛЬНОЙ
ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ГОРНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ:
СПЕЦИФИКА, РЕАЛИИ, ИТОГИ, ВЫВОДЫ**

Николай Фёдорович Бугай

Институт российской истории РАН

г. Москва, Россия

Orcid id: <http://orcid.org/0000-0002-8363-1638>

Scopus ID: 55481483000

nikolay401@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваемая в публикации проблема привлекает внимание применением специфического метода в раскрытии и оценке столь сложной темы в российской истории – событий 1940-х годов и современности, связанных с горными регионами Кавказа и, прежде всего, принудительным переселением проживавших на этих территориях этнических общностей, реализацией мер со стороны высших органов государственной власти в условиях современности по их реабилитации, толкованием аспектов проблемы с учетом психологического фактора в крайне сложной, чрезвычайной обстановке жизнеустройства, когда ощущалось постоянное проявление особой доминанты. Решение этого вопроса в научном плане, по мнению автора статьи, в определенной степени позволяет с опорой на теорию доминантности раскрыть механизмы решения этих мер как в прошлом, так и в условиях современности. В связи с этим важно и применение такого метода, как общественно-«географический синтез». Рассмотрение вопросов, их взаимозависимости, соответственно, направлено на отражение жизненных факторов, содействовавших сопротивлению этнических общностей применению подобных форм «наказания». Итоги предпринятых мер в неимоверно сложных условиях в сфере хозяйствования, как и реабилитации граждан на примере горных регионов Кавказа, остаются актуальными для изучения.

Ключевые слова: теория, доминанта, спецпереселенцы, адаптация, интеграция, время, пространство, горы, программа, реализация, итог

Для цитирования: Бугай Н.Ф. Теория доминанты в решении социальной проблемы развития горных регионов России: специфика, реалии, итоги, выводы // Историческая и социально-образовательная мысль. 2024. Т. 16. № 3. С. 18-35
DOI: 10.17748/2219-6048-2024-16-3-18-35

Original article

Nikolay F. Bugai

Institute of Russian History RAS

Moscow, Russia

Orcid id: <http://orcid.org/0000-0002-8363-1638>

Scopus ID: 55481483000

nikolay401@yandex.ru

THE THEORY OF DOMINANCE IN SOLVING SOCIAL PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF MOUNTAIN REGIONS OF RUSSIA: SPECIFICITY, REALITIES, RESULTS, CONCLUSIONS

Annotation. The problem discussed in the publication attracts attention by the use of a specific method in revealing and assessing such a complex topic in Russian history, the events of the 1940s and modern times associated with the mountainous regions of the Caucasus and, above all, the forced resettlement of ethnic communities living in these territories, the implementation of measures by the highest public authorities in modern conditions for their rehabilitation, interpretation of aspects of the problem taking into account the psychological factor in an extremely difficult, emergency situation of life, when there was a constant manifestation of a special dominant. Solving this issue scientifically to a certain extent, according to the author of the article, allows, taking into account the reliance on the theory of dominance, to reveal the mechanisms both in the past and in modern conditions for solving these measures. In this regard, it is important to use such a method as socio-geographical synthesis. Consideration of the issues and their interdependence, accordingly, is aimed at reflecting the vital factors that contributed to the “resistance” of ethnic communities against the use of such forms of “punishment.” The results of the measures taken in the incredibly difficult conditions of life in the sphere of economic management and the rehabilitation of citizens using the example of the mountainous regions of the Caucasus remain relevant.

Keywords: theory, dominant, special settlers, adaptation, integration, time, space, mountains, program, implementation, outcome

For citation: Bugai N.F. The theory of dominance in solving the social problem of the development of mountain regions of Russia: specifics, realities, results, conclusions // Historical and social-educational Idea. 2024. T.16. No.3. P. 18-35 (In Russ.).
DOI: 10.17748/2219-6048-2024-16-3-18-35

Введение

Организаторы международной научно-практической конференции культурно-просветительского фонда Dialogforum (Венгрия) и Республики Грузия обратились к интересной проблеме – горы и «горный текст» в экономической системе: содержание, направленность, научный подход, реализация сложной задачи через систему регулирования процессов, выявление определенной специфики применительно к регионам Кавказа¹.

Прежде чем приблизиться к освещению самой темы применительно к кавказскому региону (Северный Кавказ, Закавказье), необходимо четко определиться в направлении исследуемой проблемы, ее фиксации в рекомендациях, применении социальных технологий. Этим аспектам уделяется пристальное внимание, проявляется живой интерес и забота о них, особенно к дальнейшему развитию направления, занимающего одно из приоритетных положений в системе экономики, сопровождаемых параллельно такими аспектами, как развитие названных сфер, их роль в формировании и совершенствовании методов решения задач, в первую очередь имевших целью приумножение экономического потенциала государства, т.е. с более эффективным развитием горных районов государства.

Представленная к анализу тема постоянно привлекает внимание общества. Ученые не только констатируют степень изученности проблем населения горных

¹ Культурно-просветительский фонд Dialogorum (Венгрия) и некоммерческая организация EU WAY (Грузия) выступили инициаторами проведения международной научно-практической конференции «Горы и "горный текст" в мировом историко-культурном процессе» (Тбилиси (Грузия) 24–26 мая 2024 г.). В информационной части форума отмечается, что «в мировой истории и культуре горы воспринимаются не только как элемент географического, регионального и природного ландшафта, но и как система, обладающая мощным культуроформирующим, философским и художественно-эстетическим потенциалом». В рамках конференции обсуждались вопросы о состоянии изучения историко-культурных, региональных, политических, художественных аспектов, связанных с горами. Особое внимание участники конференции уделили горному Кавказу, который «является уникальным геокультурным и историческим ареалом, объединившим множество народов и сформировавшим особые полиэтничные социокультурные системы». Конференция ставила задачу сформировать пространство для плодотворных междисциплинарных дискуссий, способствующих консолидации исследовательского потенциала научных школ и отдельных ученых.

районов, но и анализируют процесс совершенствования жизненных условий человека. И в данном случае на передний план выступает метод, принцип изучения проблемы, в частности такой как «общественно-географический синтез», известный с давних времен, а также факторы нашего жизненного бытия, например адаптация и интеграция, пространство и время, проявляющие себя на всех этапах развития той или иной цивилизации. Они органичны и относятся к самым весомым в жизненном цикле населения и отдельного человека.

«Язык гор» этой поры, по мнению автора, скорее отличался наличием многообразия карательных функций, а также созидательных начал в условиях гор, что, конечно же, требует самостоятельного изучения.

Материалы и методы изучения

В основе публикации использовались материалы предшественников, проявлявших интерес к настоящей проблеме, а также архивные документы, содержащие сведения по раскрываемой теме, в частности министерств и ведомств, хранящиеся в фондах центральных архивов (Фонды Госархива Российской Федерации. Ф. 10107, 10366, 10121 и др.).

При изложении исторического материала автор отдает предпочтение известным методам и принципам осуществления исторического исследования, в том числе пока слабо применяемого метода «общественно-географического синтеза». Именно в этой публикации обращено особое внимание на горные территории Кавказа, его составной части – Северного Кавказа, где имели место все рассматриваемые положения изучаемой темы.

Использован также метод Мишеля Фуко в конкретном случае исследования, в том числе малых территорий, в частности горных, выявить специфику развития общества, выдать оценку совершаемым действиям общества в замкнутой системе и др. Учтена при этом и теория доминанты в изучении общества известного ученого-физиолога Алексея Алексеевича Ухтомского, согласно учению которого подбираются впечатления, образы, убеждения и интегрируются в целую картину того, что происходило [3, с. 136].

Результаты

Автор обратился к таким понятиям, как горы, их роль и место в формировании системы экономики страны в границах территорий регионов, роль человека в освоении этих своеобразных богатств государства, подчинение горных территорий человеку, к решению таких вопросов, как прирастание экономического потенциала региона (республика, край, область, национальный округ и пр.), приумножение духовного наследия.

Привлекает внимание и выделение таких сложных социальных факторов, как пространство и время, которые меньше всего подчиняются человеку и требуют особых усилий в их преодолении. Убедительно звучит в этом плане и

сравнение их с факторами адаптации и интеграции личности, трудового коллектива, особенно в чрезвычайных условиях существования. Автор применяет также учение о доминанте к событиям, связанным с принудительным переселением народов.

Рассмотрены роль и место учения доминанты применительно, в частности, к обстановке обитания советских граждан в условиях их принудительного переселения. Обозначены разные причины действий, вызывающих доминантное состояние, в том числе и в условиях применения карательных мер.

Почему выбор пал на горные регионы страны, в частности Кавказ, Северный Кавказ? Потому что значительная часть населения (около 1 млн человек) Закавказья и Северного Кавказа как раз и подпадала под принудительное переселение.

Переселенцам пришлось выдержать сложный жизненный экзамен на выживаемость, выдержать жесткие, трудно переживаемые воздействия на психику путем деструктивного давления со стороны органов партийной и советской власти. В этих условиях контингенты людей подверглись последствиям доминантного состояния, при помощи которого только этому явлению, связанному с нарушением психики через впечатления, создаваемые образы, прежде всего поиск виновного в случившемся, убеждения в том, что происходило в реальности.

Исходя из этого положения, рассмотрены и другие аспекты обозначенной в публикации научной проблемы.

Обсуждение

Занимаясь изучением проблемы принудительных переселений в Союзе ССР в 1920–1950-е годы, автор при анализе условий жизнеобеспечения обращает внимание на трудовую занятость спецпереселенцев, испытавших на себе названную принудительную меру.

Следует признать, что многие исследователи заостряют внимание на такие факторы, как адаптация и интеграция, придавая им особую роль в формировании отношения к принудительно высланному контингенту на местах его обитания. Наблюдается некоторое увлечение этими характеристиками. Хотя, как показывает исследование этой стороны, не всегда это соответствует действительности, а также способствует выявлению реалий в ходе раскрытия темы.

Дело в том, что эти факторы влияют на обустройство людей в особенной обстановке, т.е. независимо от того, где бы они не находились, под каким статусом не осуществлялось их проживание. Некоторые спецпереселенцы свидетельствуют о том, что увлечение этими факторами не является главным в обустройстве их жизни. Самыми главными, по их убеждению, выступают такие факторы, как *пространство и время*, с их характеристиками применительно к практике.

А.А. Ухтомский известен как создатель учения о доминанте. Он полагал, что в этих процессах приобретают значение более труднопреодолимые факторы

нашего бытия, такие как *пространство и время*, и особенно в положении граждан, оказавшихся в числе принудительно переселенных.

Понятие «доминанта» А.А. Ухтомский правомерно рассматривает применительно и к другим сторонам состояния. Доминанта выступает как главенствующая идея, основной признак или важнейшая составляющая часть чего-либо. Временно господствующий очаг возбуждения в центральной нервной системе, способный оказать и тормозящее влияние. Словом, доминанта выступает как явлением, возбуждающим в определении состояния, так и «устойчивым очагом повышенной возбудимости нервных центров». Принцип доминанты в психологической сфере должен выступать в качестве главного принципа в характеристике положения людей, организации поведения их в возникавших условиях.

К проблеме обращались и ученые, журналисты, политологи. По нашему мнению, ученый, публицист Алан Касаев, увлекшись вопросом ослабления влияния России в Закавказье в середине 1990-х годов, несколько поторопился с выводом о воздействии этих процессов и на положение в северокавказском регионе, отмечая при этом якобы наблюдавшееся отключение России от капитала из республик Северного Кавказа [8, с. 5].

Изучение вопроса о сосредоточении Чечни вокруг суверенитета пока не позволяет делать столь категоричный вывод. Чечня даже не воспользовалась этой возможностью после окончания первой воны 1994–1996 гг., а отдельные силы в республике вообще выступали в своей повседневной практике за суверенитет в составе Российской Федерации. Конечно, единства в этом вопросе не было. Так, спикер Чеченского парламента Хусаин Ахмадов по этому поводу замечал: «Мы за сохранение с Россией прозрачных границ и горизонтальных отношений во всех сферах жизни, но без вассально-вертикальной подчиненности. Это формула нашего суверенитета» [7, с. 9]. Анализировались при этом и механизмы реализации этих вопросов.

Более убедительным звучит в этом плане утверждение А. Касаева о наличии экономических программ в северокавказских республиках, пробуждавших надежду на улучшение ситуации в экономическом отношении, их расширении, в частности по Республике Дагестан («Федеральная целевая программа стабилизации социально-экономического развития Республики Дагестан на период до 2001 года»), Ингушской («О мерах по обеспечению стабилизации в Ингушской Республике»), Кабардино-Балкарской («Социально-экономическое развитие национально-культурного возрождения балкарского народа в 1996–2000 гг.»), Северной Осетии – Алании («О первоочередных мерах социально-экономической поддержки Моздока и Моздокского района Республики Северная Осетия – Алания»)¹.

¹ Г. Моздоку было уделено особое внимание потому, что на долю этого города и района выпала значительная роль в обеспечении боевых действий в контртеррористической операции в Чеченской Республике с декабря 1994 г.

Подобные действия тащили за собой и невыполнение намеченных планов, например, по модернизации транспортных узлов (Махачкала), аэропорта (Ингушская Республика), других отраслей народного хозяйства. Попирались права на производство алкоголя (Республика Северная Осетия – Алания). Но для рассмотрения этого периода на юге, за исключением Краснодарского и Ставропольского краев, остальные субъекты региона оставались высоко дотационными (Республика Ингушетия – до 98%). Всего в стране в это время оставалось только шесть самодостаточных субъектов. Эти проблемы ощущались продолжительное время. Хотя и было разработано более 150 программ, 20 из которых – «Горы», тем не менее на практике реализация нескольких программ составляла до 10–20%.

Касаясь проблем подготовки программ «Горы», необходимо заметить, что эта сторона находила отражение в системе мер по реабилитации репрессированных народов. Значительная часть этнических общностей была принудительно переселена с горных местностей, в частности на Северном Кавказе с территории таких субъектов, как Чеченская Республика, частично Дагестанская ССР, Карачаево-Черкесская АССР, Кабардино-Балкарская АССР.

Перед многонациональным сообществом непосредственно России стояла главная задача – восстановить экономический потенциал государства и, как замечал Президент Российской Федерации В.В. Путин, только решение этой задачи создавало необходимые условия для обеспечения безопасности страны. Об этом говорилось и в принятом в 2012 г. политическом документе «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». В этом плане усилия будут направлены на формирование условий для обеспечения государственной безопасности, безопасности территорий проживания народов, их семей [9, с. 2].

Несомненно, экономический потенциал – основа экономического возрождения государства, что также выступает приоритетным направлением в закавказских государствах – республиках Грузия, Армения и Азербайджан.

И в данном случае повсюду приобретала особое значение проблема формирования экономической основы российской государственности как базы совершенствования федеративных отношений.

Анализ зависимости состояния национальной политики от положения в экономическом секторе позволяет выявить пути улучшения взаимосвязи состояния федеративных отношений, эффективного использования ресурсов, инвестиций, направленных на поддержку регионов, улучшение положения населения независимо от национальной принадлежности.

Государственные органы власти, к сожалению, не поспевали с выработкой механизмов поддержки системы экономики регионов. В целом особо учитывались и территориальные особенности, специфика территорий в развитии экономического сектора.

В новых условиях существования государства основой становилось поэтапное решение комплекса проблем в сфере экономики регионов. Постановлением Верховного Совета РФ 25 декабря 1992 г. № 4240-1 «Государственная программа развития экономики и культуры малочисленных народов Севера» была включена в перечень федеральных программ. Государственным заказчиком становился Госкомсевер России.

Начиная с 1994 г. функции по реализации программы переходили в ведение Миннац России.

Как известно, в 1990-е годы основой эффективного развития регионов был признан путь разработки программ социально-экономического развития и культурного возрождения этнических общностей, что включало и составляющие национальной политики. Разумеется, что эти процессы требовали комплекса мер по отходу от территориального разделения труда, постепенного выравнивания ситуации путем распределения централизованных капитальных вложений.

В этой ситуации, конечно, основная роль принадлежала государству. Оно обязано было регулировать меры, связанные с самой поддержкой территории. С этой целью создавались специальный Фонд поддержки субъектов Российской Федерации, а также другие федеральные фонды. Механизмы осуществления намеченных мер на практике – дотации, субвенции, разного рода льготы, разграничение полномочий и предметов ведения, управление собственностью, ссуды и др. В данном случае образовалось тесное переплетение региональной и национальной политики, сочетание этих направлений в государственном развитии.

Экономисты-практики занимались в это же время выработкой механизмов реализации намеченных мер по сбалансированному развитию экономического сектора Федерации в целом и ее регионов, что обуславливалось в 1990-е годы состоянием экономического сектора, федеративных отношений (определенная федеральная поддержка, принятие федеральных программ, региональное прогнозирование, полный контроль над использованием федерального бюджета и др.).

Уже в начале 1990-х годов было очевидно, что состояние системы экономики России оставалось одним из самых сложных разделов и в государственной национальной политике. Она по-прежнему составляла основу для развития самой экономики. И не случайно этому приоритетному вопросу постоянно уделялось внимание в практической деятельности Миннац России, а также в соответствующих структурах, призванных курировать экономическую систему, занимавшихся ее развитием и совершенствованием с учетом многонационального фактора российской государственности.

Многие ученые, политики (Ю. Борисов, Д. Рогозин и др.) в последнее время все чаще утверждали, что «только национальная промышленность способна обеспечить стабилизацию экономики и создать новые рабочие места». В этом случае цель сводилась к задаче обеспечения высокотехнологичной индустрии, и главное

условие – не решать эту проблему «за счет монетаризации и продажи углеводородного сырья». Несомненно, это был бы скрепляющий фактор и в системе межэтнических отношений.

Начиная с 1994 г. функции по реализации программы в Российской Федерации переходили в ведение Миннац России. Ситуация выглядела таким образом, что программа оставалась, например, для народов Севера, «единственным источником жизнедеятельности». В программу включались такие направления, как возведение жилья и социально-бытовой инфраструктуры, поднятие отраслей хозяйствования, обеспечение трудовой занятости, проведение мер по организации сети здравоохранения, культурно-массовых учреждений, народного образования.

Ответственность за реализацию несли местные органы исполнительной власти. Оценивая первые шаги в реализации Госпрограммы развития экономики и культуры малочисленных народов Севера на 1991–1995 гг. (Программа № 145), следует заметить, что проводились эти меры при поддержке федеральных органов исполнительной власти. Были в срочном порядке подготовлены долговременные программы строительства жилья. В этом случае 30% затрат возлагалось на Миннац России.

По этой причине приходилось на практике прибегать к замораживанию многих объектов, расторжению договоров, штрафам. В этом направлении отмечалась активизация деятельности Министерства по делам национальностей Российской Федерации.

Эта задача в 1990-е годы возлагалась на Минэкономики России, Министерство национальной и региональной политики России. Министерствами определялись и приоритетные для регионов направления: регулирование регионального воспроизводства, финансовая поддержка субъектов путем принимаемых программ развития и совершенствования федеративных отношений.

С учетом специфики расселения и трудовой занятости населения это требовало и особых подходов в новых условиях рыночных отношений, чтобы приспособиться к изменениям во всех сферах общества, что оставалось сложной задачей.

Конечно, этот процесс требовал огромных усилий по интеграции регионов России и взаимной поддержке развития. Поэтому не случайно, что задачи решались совместно с такими структурами государственной власти, как Минэкономики России, Минкультуры, Минобороны, Минсельхоз, МИД, МВД, Минфин России. Для этой работы характерным оставался принцип тесного взаимодействия и согласования.

Федеральным программам по мере их разработки придавалось на практике особое значение. Однако для структур их реализации был свойственен остаточный принцип, что наносило вред самой эффективности программ. Как отмечал в то время по этому поводу первый замминистра по делам национальной и региональной политики А.М. Поздняков, «эту задачу решал Минфин России» [10, с. 7].

Были определены и теоретические подходы к решению проблемы, присущие многонациональному государству, что во многом определяло его специфику, в первую очередь выработка «Концепции социально-экономического развития Федерации», ее составляющих субъектов. Эта мера рассматривалась как наиболее важная проблема государственной национальной и региональной политики. Органичное их существование вызывало к жизни в 1990-е годы необходимость формирования специальных институтов в сфере экономики, одним из которых и являлись Ассоциации экономического взаимодействия как новой организационной формы территориального управления, выступавшей в тот период национально-территориальной «моделью» управления.

Надо отметить, что уже в первой половине 1990-х годов активно велась подготовка по созданию нормативно-правовой базы. И в то же время следует признать, что с развалом прежней командно-территориальной системы управления народным хозяйством были утрачены и применявшиеся хозяйственные принципы региональной политики. Уходили в прошлое и имевшиеся тесные хозяйственные связи, развивавшиеся как по вертикали, так и горизонтали. Остро ощущалась разбалансированность в экономических и правовых преобразованиях этой сферы, они вступали в противоречие с теми мерами, которые предлагались в новых условиях существующей государственности.

В начале 1990-х годов можно было наблюдать и противостояние экономических интересов политическим (нерешенность множества проблем в сфере межэтнических отношений, местного самоуправления, зависимость от государственных возможностей и др.). В связи с этим уже в начале 1990-х годов перед законодательными органами власти четко формулировалась задача – обосновывать и развивать нормативно-правовую сторону межрегиональных ассоциаций и других хозяйственных объединений, обеспечивающих экономическую интеграцию, укрепление единого экономического пространства.

В концентрированном виде основные положения и состояние дальнейшего развития были сформулированы заместителем Председателя Правительства России, министром Российской Федерации по делам национальностей и региональной политики Н.Д. Егоровым. Они сводились к тому, чтобы не допускать искажения экономических интересов, элитной политизации региональных интересов, а также содействовать: укреплению единого экономического пространства, развитию межрегиональных ассоциаций и других объединений, обеспечивающих экономическую интеграцию; подготовке региональной концепции социально-экономического развития; осуществлению сбалансированного перевода экономики регионов на рыночный механизм хозяйствования, согласованный механизм правительственных решений; развитию субъекта как целостной социально-экономической и производственной системы, эффективного саморегулирования, финансирования, самоуправления и др. [4, с. 180–181; 6]. Эти факторы учитывались и в

завершившемся процессе разграничения государственной собственности на всех уровнях, упорядочивались земельные отношения на местах.

Уже на первых состоявшихся совещаниях перед органами власти субъектов Федерации ставилась задача разработать в рамках государственной национальной политики, в том числе региональной, «Концепцию социально-экономического развития» (республика, область, край, автономная область, автономный округ). В документе предполагалось изложить принципы политики, в том числе на региональном уровне, согласованные социально-экономические и научно-технические направления развития регионов между собой, а также с учетом приоритетов Федерации.

С одной стороны, усиливался элемент доверия, а с другой – переложение обязанностей центральных органов власти, управлявших экономической системой, в ведение органов власти на региональном уровне. Разумеется, что органы власти занимались поиском новых форм осуществления второго этапа приватизации с учетом интересов регионов, разработкой программ осуществления мер, связанных с этим процессом¹.

В этой ситуации Миннац России провел адресную работу по государственной поддержке регионов, что не обошлось без ошибок, особенно в плане перекосов в использовании средств, выделяемых по целевому назначению. Сложной оставалась, как было отмечено выше, задача, которая в тот период возлагалась на Миннац России, по обеспечению регионов Крайнего Севера, когда на практике применялся «безвозмездный порядок финансирования». Конечно, это не могло не приводить к определенной «утечке, потере средств целевого назначения».

Итоги изучения вопросов межэтнических отношений, развития сотрудничества в России на базе прочной экономической основы, учитывающей интересы этнических общностей, особенности и специфику их проживания, трудовой деятельности содействовали решению перечисленных задач, связанных с осуществлением национальной политики.

¹ В целях экономии средств в условиях развитии производства в рамках Ассоциаций, объединявших субъекты, принимались и новые, и забытые старые модели управления, например, применение такой модели, как *кондоминиум*, формирование производств на территории одного из объединенных в Ассоциацию субъектов и совместное им владение (разного рода недвижимое имущество). Производственный объект более широкого пространства, объединенных в Ассоциацию субъектов, находившийся в одном из субъектов, предусматривал сокращение расходов на строительство в каждом из субъектов производства необходимого продукта для всех субъектов региона и пр. Субъекты на равных условиях участвуют в решении многих организационных вопросов повседневности. Одним словом, происходит использование своеобразной формы (модели) управления объектом собственников. В условиях современной России это понятие (особого типа союза) было прописано в законе ФЗ № 4218-1 от 24 декабря 1992 г. В России в нормативно-правовой практике существует и более расширенное толкование данного понятия как «совокупности земель, помещений, ограждений и инженерных коммуникаций» и пр.

В связи с этим надо признать, что был верным предпринятый шаг, связанный с готовившимся Миннац России во взаимодействии с другими министерствами и ведомствами «Планом деятельности правительства РФ по реализации экономической реформы. Основные положения Государственной региональной политики». Полагалось, что они будут содействовать выстраиванию отношений по вертикали и горизонтали. Тем не менее судьбы этих планов по большей части были схожими: для их реализации не хватало средств в государственной казне.

Так, на Северном Кавказе, в Республике Дагестан, в первой половине 1990-х годов было высвобождено из системы республиканской экономики 45 тыс. работавших граждан. В целом к середине 1990-х годов безработица уже составляла не менее 170 тыс. человек [5, с.25]. Более того, обстановка, как отмечает М.Н. Абдуллаев, усугублялась также вспыхнувшими претензиями, неурегулированием вопроса о границах автономных образований, этническим сепаратизмом и национал-патриотизмом. В основе этих социальных явлений было основное требование – отделение от Российской Федерации.

В этой ситуации было правомерным признать, что фактором социальной напряженности становилась социальная поляризация многонационального сообщества Федерации. И вызвана она была прежде всего устранением государства из сферы регулирования доходов его граждан, неконтролируемым перераспределением национального богатства, также повлекшим расслоение общества. В 1991 г. соотношение доходов беднейших и самых богатых слоев населения в целом по России составило 1:13,5 раза [1, с. 24–25].

В целях улучшения ситуации необходимым было принятие конкретных мер в масштабе как страны, так и ее регионов. На федеральном уровне было принято более 150 программ социально-экономического развития регионов страны. Но их результативность длительное время оставалась крайне низкой.

Это не могло не сказываться на общем состоянии экономической системы во многих регионах Российской Федерации, подпадавших под статус депрессивных. И в этом плане многое зависело от организаторских способностей руководителя территории. Кстати, следует отметить, что в середине 1990-х годов в числе недотационных регионов оставалось только 9 из 89 по стране. Затем этот показатель сократился до 6 регионов. И все это служило основой для разработки новых программ социально-экономических преобразований. Это касалось и горных регионов страны, применительно которых министерствами, в том числе с участием Миннац России, было подготовлено более 40 программ. Они оставались неисполненными. Их пересмотр вел к сокращению численности.

Экономическая составляющая была отражена в первую очередь в «Основных направлениях государственной национальной политики РФ на Северном Кавказе» (1998–1999), предусматривавших решение социально-экономических и финансовых вопросов, формирование комиссий по контролю над целевым использованием материальных ресурсов, развитие и совершенствование экономических

и культурных связей с другими субъектами. Все это подводит к мысли, что разработчики предложенных программ исходили из того понятия, что горы - это не только составляющая часть географического региона, природного ландшафта, это прежде всего и составная часть экономической системы, а также художественно-эстетического потенциала, что, как замечают многие исследователи, «придает самой проблеме междисциплинарный характер».

Изучение этой проблемы во все времена актуально, и в этом плане накоплен богатый как научный, так и практический опыт.

Постановлением Совета Министров России от 16 ноября 1993 г. (№ 918) применительно к Северному Кавказу, наряду с научно-практическими объединениями, развернула работу и Ассоциация социально-экономического сотрудничества краев, областей региона, возглавляемая Н.Д. Пивоваровым [4, с. 180–181].

Северный Кавказ длительное время оставался зоной депрессивной экономики, вследствие чего протекавшие здесь многие социальные и этнополитические процессы приобретали кризисный характер. В регионе, по имеющимся данным, насчитывалось около двух десятков скрытых, вялотекущих конфликтов. Сказывалась и нерешенность процессов экономической реабилитации принудительно выселявшихся народов региона.

Состояние дел в сфере экономики можно проследить на примерах краевого и республиканского субъектов региона. Как недотационный субъект примером может служить Краснодарский край, на территории которого проживали представители более 120 этнических общностей, а также Кабардино-Балкарская Республика и другие субъекты региона с учетом специфики их развития.

Полное представление о развитии экономической системы к началу 2000-х годов дают информационно-аналитические материалы Управления информации и социально-экономического прогнозирования Администрации Краснодарского края. Граждане, занятые в производственных сферах, вносили заметный вклад в развитие экономической системы как основы состояния межэтнических отношений. Все меры в этом секторе политики проводились в 1990-е годы в условиях усиления государственного регулирования и контроля над реальными направлениями экономики, поддержки отечественного качественного производства. Основой выступали комплексные и отраслевые программы, разработанная к этому времени нормативно-правовая база.

Определенной спецификой в этой сфере отличалась ситуация в Кабардино-Балкарской Республике. В условиях бурного всплеска этнической мобильности масс (начало 1990-х годов) балкарское сообщество в республике принимало усилия к самостоятельному существованию, велись острые дебаты и об экономике региона, о границах, территории, образовании, восстановлении духовных ценностей и др.

Оргкомитет предстоявшего Международного конгресса горцев, проведение которого планировалось на 1-2 августа 1999 г., в ходе подготовки

(июль 1991 г.) наметил обсудить приоритетные вопросы. В их числе значились возрождение этнической мобильности, регулирование в сфере отраслей хозяйства, рыночных отношений, применение форм и модели совершенствования социально-экономического развития. Также предлагалось рассмотреть возможности возрождения и преумножения духовных ценностей.

В отношении этнических общностей Северного Кавказа, в частности балкарцев, предлагалась своеобразная программа первоочередных мер. Совет балкарского народа, избранный съездом ВСКБ (19 ноября 1991 г.), был представлен 18 февраля 1994 г. в качестве единственного органа власти балкарского народа. Естественно, он уделял внимание вопросу экономического развития районов проживания балкарцев.

В данном случае была ценной инициатива самих регионов, в частности республик, краев, областей. Это находило понимание и на местах. В апреле 1992 г. с инициативой подписать соглашение об экономическом сотрудничестве с Республикой Абхазия выступил президент Кабардино-Балкарской Республики В.М. Коков. Затем география участников договора была расширена. Предложение принимало форму четырехстороннего соглашения, включая такие республики, как Адыгея и Карачаево-Черкесская [ЦГА КБР. Ф.1196. Оп.2. Д.18. Л.6]. И для реализации этой меры были все основания: при объединении ресурсов можно было решать многие задачи экономического развития. В подписании соглашения 19-20 мая 1992 г. участвовали руководители от Совета Карачаево-Черкесии В.Н. Савельев и известный политик и государственный деятель, 1-й заместитель Главы администрации республики А.Г. Озов.

По инициативе В.М. Кокова и Президента Республики Адыгея А. Джаримова была подготовлена программа сотрудничества в сфере экономики и развития культуры в новых условиях рыночных отношений [ЦГА КБР. Ф.1196. Оп.2. Д.18. Л.6].

Определенным мобилизирующим к поднятию производства в новых условиях фактором, вселявшим и некую надежду, явилось принятие 14 октября 1992 г. Указа Президента РФ «О мерах по государственной поддержке социально-экономического развития Кабардино-Балкарской Республики», которым предусматривалось структурирование земельной экономики. Правительство КБР разработало и утвердило «Программу структурной перестройки народного хозяйства КБР на 1993–1995 гг.» [ЦГА КБР. Ф.1196. Оп.2. Д.18. Л.6]. В связи с этим предусматривалась разработка 40 самостоятельных проектов. В письме в Правительство Российской Федерации В.М. Коков изложил просьбу для реализации этой задачи в масштабе республики выделить из госбюджета средства в сумме 70 млрд рублей [ЦГА КБР. Ф.1196. Оп.2. Д.18. Л.6].

Основываясь на том, что научно-технические и экономические интересы субъектов Северокавказского региона тесно переплетались, В.М. Коков выступил с предложением о создании «политико-экономического и культурного пояса вокруг Кабардино-Балкарской Республики», включая также административные края Юга России [ЦГА КБР. Ф.1196. Оп.2. Д.1198. Л.1236.].

Не оставалась без внимания и Чеченская Республика. Вопрос о положении в Чечне рассматривался 24-25 января 1995 г. на совещании руководителей субъектов, входивших в Ассоциацию социально-экономического сотрудничества республик, краев, области Северного Кавказа. По вопросам о социально-экономическом положении Чеченской Республики, а также целевого финансирования казачьих общественных объединений на территории республики, восстановления прав турок-месхетинцев участники приняли решение обратиться к Правительству Российской Федерации в целях организации более эффективной работы, придать названной Ассоциации статус экспертно-консультативного органа при Правительстве Российской Федерации [10, с. 181–182].

Все это необходимо было для своевременного осуществления социальных выплат населению республики, организации Межведомственной информационной службы с ежемесячным выпуском информационных бюллетеней.

Конечно, экономический сектор Чеченской Республики не мог в тех условиях разворачиваться в полную силу. Хотя к 2004 г., по данным Аппарата министров республики, валовой внутренний продукт ее составил 17 млрд рублей. Было решено к 2010 г. довести его до 43 млрд рублей¹.

При этом указывалось, что основной упор будет сделан на нефтедобывающую отрасль, строительную индустрию. Предусматривалось и дальнейшее развитие агропромышленного комплекса.

Одним словом, проблемы продолжавшегося социально-экономического кризиса в регионе оставались по-прежнему в центре внимания и в последующее время. Имелось основание для выхода экономики из обозначенной ситуации в масштабе России, но Северокавказский регион пока отличался экономическим спадом.

По имеющимся сведениям, за первое полугодие 1997 г. только в Карачаево-Черкесской Республике был отмечен прирост производства на 1,3%, в остальных же регионах спад производства составлял от 6,8% в Республике Дагестан до 27,4% в Республике Ингушетия.

Снижался и уровень жизни населения Северного Кавказа, возрастала численность безработных, а в соответствии с этим возрастала преступность (Кабардино-Балкарская Республики – 103,7%, Республика Северная Осетия-Алания – 100,7%, Ставропольский край – 101,7%, Российская Федерация в целом – 90,2%)².

¹ К 2010 г. в республике надеются увеличить ВВП в 2,5 раза. – ИА REGNUM. 24 дек. 2004 г.

² Информация Департамента по делам национальностей о социально-экономической ситуации на Северном Кавказе и мерах по ее стабилизации. [Июль, 1997 г. С. 10].

Выводы

Таким образом, проблемы продолжавшегося социально-экономического кризиса в регионе оставались по-прежнему в центре внимания и в последующее время. Имелись основания для выхода экономики из обозначенной ситуации в масштабе России. Однако Северокавказский регион пока отличался экономическим спадом.

Вряд ли были возможны преобразования в многонациональном государстве без соблюдения сбалансированного развития системы экономики, составляющей основу модернизации в техническом отношении и, как следствие, преобразования политического и общественного сектора жизни населения.

Эти задачи как раз и возлагались на разработчиков Программы социально-экономического развития и этнокультурного возрождения регионов России, включая горные регионы. Все они основывались на согласовании интересов проживавших в стране, а также ее составляющих территориях, этнических общностей, обеспечении правовой и материальной основы для их развития и выгодного сотрудничества. Все это позволяло на практике преодолевать и возникавшие доминантное состояние, а также вызывавшее по этой причине доминантное настроение в обществе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абдуллаев М.Н. К межнациональному вопросу в Республике Дагестан. – Махачкала, 1997. – 63 с.
2. Абдуллаев М.Н. Межнациональные отношения в Дагестане. 1985–1995 гг. Опыт, проблемы, уроки: Автореф. ... к.и.н. Специальность – 07.00.02. – Махачкала, 1997. – С. 4.
3. Большая советская энциклопедия. – Т. 23. – М., 1931. – С. 136.
4. Бугай Н.Ф. Русские на Северном Кавказе: социальное положение, трансформации этнической общности. 1990-е годы – начало XXI века. – М., 2019. – С. 180–181.
5. Дагестанская правда. – 1997. 25 апр. – С. 24–25.
6. Егоров Николай Дмитриевич. – URL: <http://www.biografija.ru/biography/sapiro-evgenij-saulovich.htm> (дата обращения: 15.02.2024).
7. Емельяненко В. Российские войска вышли к границам Чечни – и это оказалось спасением для режима генерала Дудаева // Московские новости. – 1992. 22 нояб. – № 47. – С. 9.
8. Касаев А. О новом единстве Большого Кавказа // Независимая газета. – 1998. 14 авг. – С. 5.
9. Михайлов В.А. «Все определит народ Чечни» // Правда. – 1995. 4 авг. – С. 2.

10. Поздняков А.М. Региональная политика: проблема становления и методы реализации // Информационный бюллетень. – № 2. Федерация и народы России. – М., 1995. – С. 7 (48 с.).

REFERENCES

1. Abdullaev M.N. On the interethnic issue in the Republic of Dagestan. Makhachkala, 1997. 63 p.
2. Abdullaev M.N. Interethnic relations in Dagestan. 1985–1995 Experiences, problems, lessons. Author's abstract. ...Ph.D. Specialty. 07.00.02. Makhachkala, 1997. P. 4.
3. Great Soviet Encyclopedia. T. 23. M., 1931. P. 136.; [www. labirinn.ru](http://www.labirinn.ru)
4. Bugai N.F. Russians in the North Caucasus: social situation, transformations of the ethnic community. 1990s - beginning of the 21st century. M., 2019. P. 180–181.
5. Dagestanskaya Pravda, 1997. April 25
6. Nikolay Dmitrievich Egorov. URL: <http://www.biografija.ru/biography/sapiro-evgenij-saulovich.htm> (access date: February 15, 2024).
7. Emelyanenko V. Russian troops reached the borders of Chechnya - and this turned out to be salvation for the regime of General Dudayev. Moscow news. No. 47. November 22, 1992 P. 9.
8. Kasaev A. On the new unity of the Greater Caucasus. Nezavisimaya Gazeta August 14, 1998. P. 5.
9. Mikhailov V.A. “Everything will be determined by the people of Chechnya”. Pravda, August 4. 1995 P. 2.
10. Pozdnyakov A.M. Regional policy: the problem of formation and methods of implementation Information bulletin. No. 2. Federation and peoples of Russia. M., 1995. P. 7 (48 p.).

Сведения об авторе: Бугай Николай Федорович, главный научный сотрудник Центра «Историческая наука России», Института российской истории РАН, доктор исторических наук, профессор, действительный государственный советник III класса Российской Федерации.

г. Москва, Россия.

Scopus Author ID: 55481483000

Orcid id: <https://orcid.org/0000-0002-8363-0351>

nikolay401@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

About the author: Bugai Nikolay Fedorovich, Chief Researcher of the Center “Historical Science of Russia”, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Current State Advisor of the Third Class of the Russian Federation

Moscow, Russia.

Scopus Author ID: 55481483000

Orcid id: <https://orcid.org/0000-0002-8363-0351>

nikolay401@yandex.ru

The author read and approved the final version of the manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 20.04.2024

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 10.06.2024

Принята к публикации / Accepted for publication: 27.06.2024

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests